

ЭКОНОМИКА В РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ*

В.Г. ФЕДОТОВА

Традиционные общества отличаются от современных, в частности, тем, что в них преобладает не наука, а мировоззренческое знание. Когда Борис Годунов отправил первых русских студентов за рубеж, они вернулись, привезя в Россию алхимию и астрологию, а не ремесла и технические знания. Они мечтали превратить леса в золото и определить счастливый путь для России по сочетанию звезд. Впоследствии эта тенденция сохранилась в том, что проблемы, которыми могла бы заниматься наука посредством анализа, продолжали рассматриваться как вопросы мировоззрения, общественной мысли, экономической мысли и пр.

Научное и мировоззренческое знание

Как вполне оправданно отмечает В.С. Автономов, «бесспорной особенностью русской экономической мысли была ее повышенная озабоченность моральными проблемами, в то время как в западных странах экономическая наука еще со времен Смита выделилась из “моральной философии”. Никому не придет в голову упрекать русских экономистов, как и русских писателей, за то, что их волновала несправедливость общественного устройства... Но именно этическое содержание, благодаря которому русская литература была “святой” (по выражению Томаса Манна) и почитаемой, делала русскую экономическую мысль непрофессиональной... Применительно к России особенно актуально проведенное Шумпетером деление на экономический анализ и экономическую мысль»¹. Ниже мы покажем глубочайшую связь русской общественной мысли по такому предмету, как экономика, русской экономической мысли с этикой, религией. Но хотелось бы отметить, что сочетание научного и мировоззренческого знания очень долго сохранялось и на Западе, в частности и у Адама Смита. Его экономическое учение невозможно отделить от его позиции приверженца шотландской моральной философии.

---

*Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Человек в экономике и других социальных сферах», грант № 08-03-00175а.

Экономическая наука и на Западе возникла довольно поздно в виде политической экономии, родоначальником которой был Адам Смит. Тот, кто читал Смита, знает, что за 17 лет до появления его книги о богатстве народов он написал работу о природе нравственных чувств. В этой книге Смит обращается к человеку-альтруисту, показывает значимость эмпатии, доброжелательности.

Предметом рассмотрения в «Исследовании о природе и причинах богатства народов» становится эгоист, которого общество делает полезным для себя. Пивовар, говорит Смит, нравится нам не тем, что он хороший человек, но тем, что варит хорошее пиво. Однако это видимое «очищение от морали» не может осуществиться полностью, так как общество создано Богом и потому справедливо, считает Смит. По его мнению, оно должно пресекать ситуации, когда и если кто-то из полезных обществу эгоистов будет стремиться к торжеству своего эгоизма, и поддерживать ту экономическую деятельность, которая ведет к благу всего общества.

Сам текст политэкономического труда Смита содержит ряд идеализаций и методологических приемов, которые отличают его анализ от экономической мысли. И, тем не менее, Смит использует мировоззренческие знания даже в тех частях своей работы, которые получили название трудовой теории стоимости, в концепции свободной торговли и в анализе многих экономических реалий. В переписке со Смитом Юм, восхищаясь его трудом, отмечает, что сам «он молится за распространение коммерции так же в Германии, Испании, Италии и даже в самой Франции»². Выражение «в самой Франции» Юм употребляет потому, что именно там за десять лет до публикации «Богатства народов» в 1776 г. Смит задумал этот труд.

Как отмечает автор послесловия к изданию этой работы Смита А.В. Аникин, «Франция присутствует в книге Смита не только в идеях, прямо ли, косвенно ли связанных с физиократией, но и в великом множестве наблюдений (включая личные), примеров и иллюстраций. Общий тон всего этого материала критический. Для Смита Франция с ее феодально-абсолютистским строем и оковами для буржуазного развития – самый яркий пример противоречия фактических порядков идеальному “естественному порядку”. Нельзя сказать, что в Англии все хорошо, но в общем и целом ее строй гораздо больше приближается к “естественному порядку” с его свободой личности,

совести и — главное — предпринимательства»³. Следовательно, тот новый элемент научного анализа, который возник у Смита, обусловлен зрелостью экономических отношений в Англии, появлением там объективно протекающих экономических процессов, их своего рода квазиприродностью (Смит был ньютонианцем) или тем, что К. Маркс характеризовал как приближение английского капитализма к классически чистому. Не исключено, что десять лет, потраченные Смитом написание своего труда, понадобились ему как годы вызревания тех тенденций английского капитализма, которые он характеризует в пяти томах своей книги — об общественном разделении труда и причинах увеличения его производительности; о природе капитала, его накоплении и применении; о развитии благосостояния разных народов; о системах политической экономии; о доходах государя и государства.

Вполне понятно, что, несмотря на огромный интерес к Смигу во многих странах, его работы читались, а изложенные в них идеи применялись селективно, в зависимости от зрелости экономических отношений и политических свобод.

В России об Адаме Смите узнали еще до выхода его политэкономического труда. Лекции Смита слушали С.Е. Десницкий и И.А. Третьяков. Уже в 1767 г., вернувшись в Россию, они стали пропагандировать учение Смита. Десницкий написал «Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи», в котором сказывалось влияние Смита. Екатерина II использовала некоторые идеи «Положения» Десницкого в своем «Наказе» 1767 г. Третьяков изложил лекции Смита в труде «Рассуждения о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как и древних так и нынешних народов» (1772)⁴.

В.А. Аникин показывает, что среди источников вольнодумных идей некоторые декабристы на допросах называли Смита. Идеи Смита в России и во многих других странах обрастали политическими соображениями, поскольку они были далеки от зрелости экономических проблем, составивших круг вопросов его политэкономии. Не отстала Россия и в интересе к Марксу. Еще в 1860 г. русский либерал Бабст излагал студентам Московской Практической академии коммерческих наук «Предисловие к критике политической экономии»⁵. Первый том «Капитала» был опубликован на русском языке в 1872 г., второй — в 1885, уже после смерти Маркса, третий — в 1894 г.

Но, несмотря на политизацию экономического знания, идущего с Запада, автохтонные идеи общественной мысли России, действительно, всегда были связаны с этическими требованиями к экономике.

Экономика и этика в русской общественной мысли

Классическим примером этического универсализма, сказавшегося и на восприятии экономики, была позиция В.С. Соловьева. В работе «Оправдание добра» (1889) есть глава «Экономический вопрос с нравственной точки зрения», в которой высказан ряд ключевых тезисов о первостепенной значимости этики для экономики. Соловьев пишет: «Признавать в человеке только деятеля экономического – производителя, собственника и потребителя вещественных благ – есть точка зрения ложная и безнравственная»⁶. При этом невозможно оставаться равнодушным к экономическим бедствиям, свидетельствующим о потере начал добра.

В началах экономической деятельности, – соглашается Соловьев с идеей некоторой независимостью экономики от этики, – лежит простая и роковая необходимость труда для поддержания физического существования людей. Но и здесь самый правовеерный служитель науки не найдет, по мнению философа, области чистых политико-экономических законов, ибо труд связан не только с физической необходимостью выживания, но и с массой других побуждений. Альтруистический предприниматель, отходящий от своей выгоды ради добра, конечно, нарушит «экономический закон», но нравственная воля человека может отменить этот закон особенно при поддержке государства, исходящего из идеи общего блага. «Для истинного решения так называемого “социального вопроса”, – считает Соловьев, – прежде всего следует признать, что норма экономических отношений заключается не в них самих, а что они принадлежат общей нравственной норме как особая область ее приложения»⁷. И среди этих нравственных норм есть норма нравственной невозможности сводить основное побуждение труда к своекорыстию, побуждение, ведущее к соперничеству и вражде. Но социалистические требования равенства кажутся ему «противными до тошноты», поскольку дело состоит не в том, чтобы ликвидировать частное богатство, а в том, чтобы его нравственным образом употребить для получения общего блага⁸. Для того, чтобы оправдание добра действовало в эко-

номике, согласно Соловьеву, нужны два условия — «не ставить Мамона выше Бога» и «не признавать вещественное богатство самостоятельным благом и окончательной целью человеческой деятельности». И третье условие — «возделывать землю» в философском, а не только экономическом смысле слова⁹. Размышления Соловьева о сущности труда как форме совместной деятельности, имеющей нравственное, основание ведут его к трактовке собственности и обмена в контексте справедливости и права, справедливых общественных отношений, без которых нравственная проповедь становится бессильной.

Работа «Оправдание добра» является абстрактной философской работой, в которой нравственные отношения выступают как стержень всех сфер деятельности. Она попадает в ту сферу «святого» и почитаемого, о которой писал Автономов. Но разве категорический императив Канта не из той же сферы? Некоторые философы сегодня додумываются до утилитарной мысли о том, что он устарел и не действует в наше время. Но это закон существования человечества, который никогда не выполнялся каждым человеком. И здесь экономические идеи Соловьева не объявишь отстающими, так как они — тоже закон человечества, не выполнявшийся каждым отдельным человеком.

Трансцендирование экономики к религиозным или этическим идеям

Попыткой осуществить трансценденцию стихийно сложившихся отношений российского капитализма были усилия Сергея Булгакова не только рассмотреть реальность с христианских позиций такой, какой она является, но и выяснить то, какой она *должна быть* и каковы основания и возможности сделать ее другой. В своей работе «Краткий очерк политической экономии», опубликованной в 1906 г., и в других трудах он осуществляет этот замысел. Замысел отдельного человека — это, несомненно, не замысел культуры, пробивающий себе дорогу. Булгаков, как и многие его современники, был увлечен марксизмом, постепенно осознавая, что российский путь не может быть похож на западноевропейский, так как Россия — крестьянская страна с нерешенным аграрным вопросом. Начиная отходить от марксизма уже в 1901 г., в рассматриваемой работе Булгаков ставит вопрос «о задачах политической экономии в христианском ее понимании»¹⁰. Он смотрит на капитализм как

на овладение человеком силами природы, на высвобождение из нее ради поддержания жизни и накопления того, что Булгаков называет народным богатством. Именно ради него осуществляется процесс подчинения природы и освобождения человека в форме капитализма, а не для обогащения только отдельных лиц. Народное богатство отличается, по Булгакову, от богатства личного. Оно говорит о способности всего народа владеть всем необходимым для того, чтобы жить своим трудом, воспроизводить условия такой жизни. Это «достигнутая мощь человеческого гения в борьбе с природой... политическая экономия, в этом смысле есть наука, изучающая высвобождение человека от рабства природы»¹¹. Но так как быть свободным является задачей христианина, то и политэкономия, изучающая высвобождение человека от природы, может стать христианской. Как христианскую, политическую экономию волнует то, что «рост богатства, увеличивающий силы человека и пробивающий стену отчуждения между человеком и природой... создает для него более широкие возможности духовной жизни, открывает перед ним новые широкие перспективы, но не решает за него, не предопределяет того употребления, которое сделает из них единичный человек и совокупное человечество. Он может воспользоваться этой свободой как условием духовного роста, как путем ко Христу, но может употребить ее и совершенно иначе, впад в духовное искушение или от сомнения, питаемого сознанием своих успехов, или от грубого плотского соблазна роскоши, увеличения низменных, недуховных наслаждений жизнью; тем самым оно впадает в гораздо более глубокий и прочный духовный плен, нежели даже тот, от которого оно только что освободилось»¹². Хотя иногда в тексте работы еще встречается упоминание социализма как возможной альтернативы капитализму, в целом Булгаков полагается на значимость капитализма в эмансипации людей от природы. О других видах эмансипации и свободы Булгаков не говорит, несмотря на прежний марксистский опыт.

При этом он неустанно подчеркивает, что развитие капитализма амбивалентно в отношении добра и зла, зависит от людей. В Евангелии, утверждает он, запрещался не хозяйственный расчет, без которого невозможно самое хозяйство, «но хозяйственное ослепление, та жадность и жестокость, благодаря которой замирает в человеке духовная его жизнь»¹³. На политическую экономию Булгаков возлагает не только анализ ис-

тории и теории капитализма, его системы хозяйства, причинных зависимостей, различных его форм, но и социально-технологические задачи, а также считает неизбежной для политэкономии цель — быть чем-то вроде *прикладной этики*: «Два основных принципиальных вопроса ставятся для разрешения пред экономической мыслью: вопрос об успешности человеческого труда, или о развитии производительных сил человечества, т.е. о прогрессе экономическом, и вопрос о распределении производимых благ в обществе и о справедливом устройстве экономических отношений людей между собой, т.е. о прогрессе социальном»¹⁴.

Обратим внимание, что подобно тому, как для Роулза автономным моральным источником его концепции была избрана признанная американцами черта — честность, для Булгакова ею выступает признанная в качестве добра моральная черта — *справедливость*. В море несправедливости этот моральный идеал сохранил свою автономию и жизненную силу. Выдающийся русский историк Н.Я. Данилевский, который так же подчеркивал значение справедливости, писал 1871 г. в книге «Россия и Европа», изданной задолго до «Краткого очерка политической экономии», что, наряду с религиозной, политической, культурной деятельностью, в славянском мире и в России, как развитом государстве славянского мира, должна сложиться «*деятельность общественно-экономическая*, объемлющая собою отношения людей между собою не непосредственно как нравственных и политических личностей, а посредственно — применительно к условиям пользования предметами внешнего мира, следовательно, и добывания и обработки их»¹⁵. Булгаков был теологом и экономистом, показавшим значимость хозяйственной деятельности как служения.

И все же основная слабость религиозной этики капитализма, пытающейся трансцендировать реальную экономику, состоит в том, что, не сумев осуществить это на раннем этапе капитализма, когда потребности были делом свободного выбора людей, способных тогда воспринять религиозные указания, сегодня обрели инерцию самостоятельного движения или закона. Потребительская религия — не дело свободной воли людей сегодня, она возвращена капитализмом, с 50 — 60-х годов XX в. превратившимся на Западе в потребительский капитализм.

Критики капитализма в России

Критики капитализма в России многочисленны. Это были славянофилы, народники, марксисты, анархисты.

Почвенные тенденции направлены на поиски традиционно, исконно российского в архаике. Даже славянофилы-клас-

сики искали эти традиции в эпохе Ивана III, которая уже не была архаической, а содержала старорусские традиции вполне эксплицитно, начиная инновации в рамках, не вредящих этим традициям. Традиционный строй, а именно такой, в котором инновации были ограничены традициями, сохранялся вплоть до XIX в., даже до Александра II, т.е. включал в себя и эпоху Петра I, и Екатерины II, несмотря на их бурные инновации, и связи с Западом, начавшуюся вестернизацию (не как всегда присутствующую часть модернизации, а как ее специфическую модель). Только начиная с Александра II Россия вступает в современную фазу, в общий с Западом ход истории, где инновация доминирует и допускает традиции, не препятствующие инновациям. Если мы говорим о России исторической, ее традиции уже связаны с инновациями. Если мы говорим о России современной, ее инновации связаны с традициями и только во времена сломов вытесняются архаикой как психологическими поведенческими штампами, заложенными в социокоде народа.

Интересно посмотреть на позиции лидера народнической социологии В.П. Воронцова, который выступал против капитализма в России, а следовательно и против апологетических форм его «анализа» в противовес мировоззренческому знанию. Вопрос о капитализме возникает для него в связи с позицией русской интеллигенции, которая не справилась с задачами национальной организации собственных новых сил страны, с нахождением новых форм быта, не тождественных капиталистическим. Принадлежа к привилегированному слою, она взяла на себя задачу произвести изменения, отвечающие потребностям этого слоя в народе, чуждом понимания этого как собственной задачи¹⁶. Не находя почвы в народе, интеллигенция обратилась к идеям Запада, увлеклась капиталистическими теориями и идеями, в особенности в связи с тем, что рабочий класс Запада начал эти идеи поддерживать. Воронцов убеждает интеллигенцию, что высшие формы ее труда не будут поддержаны капитализмом и что она нуждается в народной организации экономики, под которой он понимает развитие форм артельного хозяйства.

Рассуждая об экономике и капитализме в России, Воронцов критикует не только капиталистическую, но и марксистскую альтернативу, ибо социалисты «школы Маркса» такие же западники, как и сторонники капитализма¹⁷. Одним из препят-

ствий для капитализма в России Воронцов считал дешевизну русского рабочего как источник социальных проблем, а кроме того, он говорил, что нашим капиталистам «Разуваевым, Колупаевым, Сладкопевцевым не нужны ни политическая свобода, ни истинное просвещение»¹⁸. Российский капитализм, по мнению этого социолога, будет успешным только в распродаже недр и природных ресурсов. В 1913 г. он публикует соображения об усилении эксплуатации рабочих в связи с появлением научной организации труда системы Ф. Тейлора.

Либеральный народник С.Н. Южаков — сторонник активистского, деятельного отношения к жизни, включает в эволюцию общества физические, органические и социальные факторы, но нравственное начало он считает одним из самых активных начал¹⁹.

Загадочная цикличность российской истории имеет только один компонент, который требует рационального осмысления — неспособность общества усвоить уроки истории. Главный неучтенный урок — нетерпение, желание стремительных и чудодейственных сдвигов, неверие в эволюцию, в реформы, восприятие последних только как радикальных перемен, в любую, в сущности, сторону. В открывающей знаменитый сборник «Вехи», которому исполнилось сто лет, статье Н.А. Бердяева «Философская истина и интеллигентская правда» автор упрекает интеллигенцию в отсутствии глубокой философской культуры, интереса к фундаментальным направлениям философии, не имеющим прямых утилитарных применений, в том, что она чужда любви к истине и предпочитает «кружковую» правду. При этом она пытается окрасить свой утилитарно-кружковый взгляд в философские тона. В этом, по мнению Бердяева, сказалась ее малокультурность.

Сегодня это проявляется как презрение к теоретическому знанию, в приверженности к повседневному знанию и здравому смыслу как главному светочу разума, в понимании утилитарного как изобретенного здравым умом, что сильно отличается от мировой тенденции технологического и социального применения естественных, технических и социальных наук.

Подготовка экономистов на новый российский лад — доминанта практического знания

Передо мной две страницы Болонской декларации — очень краткого документа о намерениях сделать российский образо-

вательный процесс более соизмеримым с образовательным процессом европейских стран и способным к восприятию англосаксонской модели образования.

Формально реформы в российском образовании направлены на восстановление потерянной в 90-е годы технологической основы, на прорывы в сфере высоких технологий. На базе ряда университетов создаются зоны внедрения достижений науки и техники. Но источники прорывов сегодня — фундаментальные науки, а не кустарное, пусть и технологически подготовленное изобретательство. Эти источники прорывов зависят не только от величины университета, количества получаемых им денег (что важно, конечно), но в большей мере от того, что в Северной Америке называется креативным, или иначе, творческим разнообразием.

Скажу только о том, что видела сама. Нельзя сравнить возможности Колумбийского университета в Нью-Йорке с Южно-Иллинойским в Карбондейле. Но в Южно-Иллинойском университете работал и может быть работает и сейчас лауреат нобелевской премии по химии философ Ларри Хикман, организовавший центр Дж. Дьюи. Этот центр включает в себя библиотеку, где хранятся рукописи, переписка Дьюи, а также исследовательский центр по изучению его творчества, который не может миновать человек, американец или иностранец, посвятивший себя изучению данного предмета. Заметим, что Дьюи в Южно-Иллинойском университете никогда не работал. Но таково понимание значимости науки для образования!

Статус университета определяется не только местом, величиной, но и наличием уникальных специалистов. Не являясь апологетом западного или традиционного российского образования, в связи с ориентацией образования в России и в Европе на англосаксонскую модель, задамся вопросом, что нас сильно отличает от Запада?

Во-первых, у нас была феноменальная традиция фундаментального образования, весьма необходимая в условиях рынка, ибо она легко допускала перепрофилирование, а нехватка внедрения изобретений была вопросом денег, что русские доказали за рубежом, уезжая туда и становясь известными своими выдающимися открытиями. Во-вторых, крупному ученому тяжелее всего в университете, особенно в маленьком, где складываются управляющие корпорации безо всяких идей креативного разнообразия и где ученый — лишь помеха победным релициям о собственной «ненаучной» деятельности этой корпорации, часто просто клана.

В-третьих, Болонский процесс вызвал к жизни бесконечное число людей, заботящихся о качестве образования, компетенциях и пр. Многие из них не имеют того образования, о качестве которого заботятся.

Устойчивой тенденцией развития экономической науки на Западе за последние годы стала стремительная математизация экономического знания, что является ведущей частью ее анализа. За последние семнадцать лет Нобелевской премии по экономике были удостоены исключительно математики. Это свидетельствует об определенной исчерпанности методов традиционной «гуманитарной» экономики. Уже сейчас студент, изучающий экономику в России, а также и большинство его учителей, вышедших из политэкономии былых времен, не в состоянии читать западные журналы (обыкновенные, типа «Management»), а тем более специальную научную литературу.

В то же время приоритет по внедрению математических знаний в экономику принадлежит нашей стране. Более сорока пяти лет существует специальность «Математические методы в экономике», открытая по инициативе единственного советского нобелевского лауреата в области экономики доктора физико-математических наук Л.В. Канторовича. В настоящее время эта специальность (08.01.16 – Математические методы в экономике), служившая некоторым окном, сквозь которое математические знания проникали в экономику, закрывается. Формально она переведена в магистратуру. Однако реально это означает ее закрытие, так как ее не к чему применить – математическая подготовка бакалавров-экономистов других специальностей не даст им возможности освоить магистерскую программу и стать эквивалентным по знаниям специалистом.

Если же мы обратимся к новым достижениям техники, то их сделали математики, часто российские, из-за презрительного отношения новых утилитаристов к их способности создать нечто внедряемое в своей стране вынужденных уехать. Так, Сергей Брин создал Google. В США работает много математиков из других стран и цели подготовки собственных кадров в этой сфере часто провозглашались, но недостаточно достигались из-за трудности предмета. Американцы успешно работают в области математических методов в экономике. Американец Киви Берд показал, что необходимость производства собственных математиков для секретных отраслей в США привела даже к использованию математики в шоу-бизнесе для улучшения вос-

приятия ее в народе. С 2005 г. в США с успехом идет сериал «4 числа», каждая серия его содержит загадку, разгадка которой требует применения математического анализа. Несмотря на «лень» американцев в отношении математики, 2 млн. человек сели за учебники, чтобы разгадывать загадки сериала.

Математические методы экономики закрыты для бакалавров. Пожалуй, только в ГУ – Высшей школе экономики математическая подготовка может обеспечить будущим специалистам дальнейшую математическую аналитическую работу. И это в условиях экономического кризиса, когда весь мир использует математические методы экономики для анализа ситуации, которая математическими методами моделируется, изучается буквально on-line. В целом линия упрощения университетской подготовки, снижение в ней доли фундаментальных дисциплин и разрыв с российской традицией фундаментального образования – это то, о чем следующие поколения еще менее образованных людей будут с тоской говорить. Математические методы в экономике включают в себя информатику, математику и экономику. То, что их не будет у бакалавров, и университеты начнут готовить кого-то типа бухгалтеров, станет проблемой экономической безопасности для России, усугубленной тем, что наши экономисты не смогут читать книги, в которых есть математические обоснования (а таковыми являются сегодня книги не только по экономике, но и по урбанистике, часто по социологии и пр.). Это откроет каналы утечки мозгов со стороны высококвалифицированных кадров.

В-четвертых, развивается тот самый примитивный утилитаризм, который отмечен Бердяевым сто лет назад. Ни одно великое деяние не было продуктом только здравого смысла. Великая депрессия была преодолена проектом Ф.Д. Рузвельта. Немецкое послевоенное чудо было проектом ордолибералов во главе с Людвигом Эрхардом – экономистом и канцлером. Японское чудо возникло как проект японских социологов, отрицавших либеральные реформы в оккупированной американцами Японии и призвавших использовать коллективную продуктивность населения, общин при смене целей государства с милитаристских на мирные, гражданские. Китайские реформы начал осуществлять Дэн Сяопин, соединяя практическое знание экономики с теориями модернизации, которые стали появляться в Китае. Глобализация создала наиболее благоприятные условия для Великобритании, так как Т. Блэр применил

проект социолога Э. Гидденса, называемый «третьим путем» или «новым лейборизмом». Достаточно успешные реформы в России сегодня осуществляются на основе национальной модели модернизации. Более ста лет назад русский историк П.Г. Виноградов отмечал, что в России общественные факты часто получают такое смутное освещение, что приходится долго и внимательно присматриваться, чтобы уяснить их смысл. Университетские дела последнего времени представляются именно в таких неопределенных очертаниях.

Слабость аналитической деятельности в российской экономике, отмеченная В.С. Автономовым имеет место так же и по прежней причине – несформированности объективных закономерностей, присущих развитому капитализму, наличию «серой» и «черной» экономических зон, коррупции и пр.

Мы присоединяемся к критике слабости экономического анализа в России, взяв за образец наиболее (?) аналитический математический метод.

Имеет ли значение мировоззренческое экономическое знание сегодня?

В условиях мирового экономического кризиса, глобализации экономики и расширения числа ее участников – ростом экономического значения Китая, Индии, Бразилии, Индонезии, России, вопросы культуры, этики бизнеса, включенности экономической деятельности в мировоззренческий контекст, о которых много писал А. Смит, российские, китайские, индийские, бразильские и прочие мировоззренческие установки в экономике не только не бесполезны, но требуют изучения.

Обратим внимание на два пассажа Вл. Соловьева, где предугадана острота сегодняшних проблем: *«Без любви к природе для нее самой, — подчеркивает он, — нельзя осуществить нравственную организацию материальной жизни»*²⁰. Соловьев ставит вопрос о природе потребностей и о том, все ли они должны удовлетворяться, например, потребность некоторых в порнографии, в мошеннических аферах, — далеко вперед заглядывая не только в экологические проблемы, но и в проблемы консюмеризма. «Так как фактическое существование потребностей, с одной стороны, сил и способностей — с другой, не решает практического вопроса, в какой мере следует удовлетворять первые и в каком смысле пользоваться вторыми, то за решени-

ем приходится обратиться к нравственному началу как определяющему именно то, что *должно* делаться»²¹.

Эти мировоззренческие проблемы сегодня остро стоят в поле зрения западных авторов, изучающих изменение климата, неустойчивость экономического роста, нехватку ресурсов, вопросы, приобретающих особую остроту в новых условиях развития стран Азии и посткоммунистического мира, авторов, обсуждающих саму возможность морали при консьюмеризме, саму возможность обособления экономики от общества (Т. Фридман, З. Бауман, А. Гринспен, Дж. Арриги др. — экономисты, социологи, философы, журналисты). В арсенале средств преодоления кризиса и кризисов в будущем — неосмитианство с его мировоззренческим знанием, неомарксизм — с разновидностями предложений о новом социализме или новой конвергенции, некейнсианство — с его идеями новой роли государства и моделями потребительского капитализма, неоордолиберализм — с его признанием роли государства в поддержании порядка в обществе, обеспечивающем свободный экономический рынок. Самый активный мировоззренческий спор — тот, где есть место русским дискуссиям мировоззренческого характера о национальной специфике экономики и ее связи с другими сферами общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Автономов В.С. Русская экономическая мысль — заинтересованный взгляд со стороны // Цвайнерт Й. История экономической мысли в России. 1805–1905. — М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2008. — С. 12.
- ² Landreth H., Colander D.C. History of Economic Thought. — Boston; Toronto: Houghton Mifflin Company, 2002. — P. 77.
- ³ Аникин А.В. Шотландский мудрец: Адам Смит // Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Эксмо, 2007. — С. 889.
- ⁴ Цвайнерт И. История экономической мысли в России. — С. 48.
- ⁵ Там же. — С. 161.
- ⁶ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Соч. В 2 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1988. — С. 406.
- ⁷ Там же. — С. 427.
- ⁸ Там же. — С. 424.
- ⁹ Там же. — С. 426.
- ¹⁰ Булгаков С.Н. Краткий очерк политической экономии // Булгаков С.Н. О рынках при капиталистическом производстве. — М., 2006. — С. 163.
- ¹¹ Там же. — С. 166.

¹² Там же. — С. 167.

¹³ Там же. — С. 169.

¹⁴ Там же. — С. 174.

¹⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — М., 1991. — С. 472.

¹⁶ Воронцов В.П. Интеллигенция и культура. — М.: Астрель. — 2008. — С. 192 — 193.

¹⁷ См.: Воронцов В.П. Экономика и капитализм // Избр. сочинения. — М.: Астрель, 2008. — С. 53. Статьи этого сборника взяты в основном из работы автора «Судьбы капитализма в России» (СПб., 1882).

¹⁸ Там же. — С. 57.

¹⁹ См.: Южаков С.Н. Социологические этюды. — М.: Астрель. — 2008.

²⁰ Там же. — С. 427.

²¹ Там же. — С. 429.

Ключевые слова. Анализ, мировоззренческое знание, научное знание, российские традиции анализа экономики, капитализм, этика, религия, славянофилы, народники, глобализация, мировой экономической кризис, современные дискуссии на Западе.

Аннотация. В статье рассматривается соотношение аналитического и мировоззренческого знания об экономических процессах, существовавшее в Российской общественной мысли XIX — XX вв., а также их проявление в сегодняшней России. Настаивая на важности анализа в экономике, автор вместе с тем показывает, что весь мир стоит сегодня в условиях мирового кризиса и глобализации, вовлекающей в экономическое взаимодействие все новые народы, перед мировоззренческими проблемами экономики и капитализма, история которых в России приобретает большую актуальность.